

ИСКУССТВО КАК СПОСОБ БЫТЬ В МИРЕ ИЛИ К ВОПРОСУ О КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ ИСКУССТВА

По мысли автора искусство как способ быть в мире выполняет многозначную коммуникативную функцию, являясь способом эстетического, ценностного взаимодействия человека с самим собой, с обществом, со всем универсумом.

Известно, что человек рождается «недоношенным» и «дорастивается» он до личности только в окружении других людей, в социуме, в обществе. Все, что человек совершает, осуществляется им не в одиночку, а во взаимодействии с другими. Связь «Я – Другие» является внутренне присущим человеческим свойством. Связи или узы между людьми оказываются не только практическими («вначале было дело»), но и нравственными, духовными – на основе общечеловеческих ценностей.

Есть точка зрения, что «вышедшая за пределы утилитарности потребность человека в связи, в единении, в общении с себе подобными и породила специфическое человеческое качество, именуемое духовностью» [1]. Другая точка зрения считает, что эта потребность в стремлении к единению изначально дана человеку, а иначе как бы человек «донашивался»? Важно заметить, что духовность ценностно ориентирована, проявляется в нашем ценностном сознании. Ценности – это то, что важно, значимо, свято, ценности проживаются и переживаются, а не усваиваются. В ценностном восприятии не действует рассудочно-утилитарный механизм мышления, а действует глубинно-внутренняя установка на духовность, что отвечает эстетическому и художественному сознанию.

Что несет искусство человеку, обществу? Что значит искусство в жизни человека и общества? Можно и так сказать: искусство – это то, чем питаются духовно и культивируют человека и общество. Искусство есть способ быть в мире. Искусство существует как один из способов не только чувственного выражения духовного опыта человека, но и интуитивного постижения мира. Искусство – необходимость. «Искусство восходит только к искусству, – пишет Д.С. Лихачев. – Нет

такого этапа в развитии человечества, когда можно было бы сказать: вот появилось искусство! Искусство существовало до человека: оно есть в природе. Искусство свойственно животным и растениям: чувство красоты – до осознания этого чувства. Поэтому искусство – это простая данность, как и все то, что существует в мире. Данность нельзя определить, назначить ей функцию, спрашивать ее – зачем и кому она нужна» [2]. И все же мы спрашиваем: зачем человеку нужно искусство?

Искусство, как правило, связывается с творчеством «по законам красоты», доставляющим эстетическое наслаждение, вызывающим чувство прекрасного, совершенного. Совершенное в искусстве – это и прекрасно выраженное прекрасное и прекрасно выраженное уродливое, безобразное, низменное в отличие от безобразных форм выражения красоты или безобразия, трагического или комического и т. д. Сущность искусства эстетическая, хотя оно может функционировать в разных целях человеческого бытия. В связи с этим назначение искусства видится в следующих функциях: эстетической, этической, мировоззренческой, коммуникативной (как способ человеческого общения и передачи информации через символ, художественный образ), отражательной («подражание», «отражение», воссоздание действительности), воспитательной и преобразовательной, познавательной, гедонистической, прагматической (в том числе «врачевательной»).

Говоря об искусстве с точки зрения значимости его для человека, мы имеем в виду трехслойный уровень сопряженности бытия искусства как творческой деятельности человека, где искусство выступает способом эстетического, ценностного взаимодействия человека 1) с самим собой, 2) с обществом, 3) со всем универсумом.

Обращаясь к понятию «коммуникативной функции искусства», следует заметить, что слово «коммуникация» ведет свое происхождение от латинского – «делаю общим», «связываю», «общаюсь» – и используется в смысле передачи информации, общения, пути сообщения, сигнальных способов связи. Однако М.С. Каган различал в эстетике понятия коммуникации и общения. Первое, согласно его теории деятельности, носит характер субъект-объектных отношений, асимметричных по существу, основанных на обмене монологами. Второе предполагает симметрию взаимоотношений, диалог, духовное взаимодействие субъектов. Такое коренное различие этих двух понятий важно для эстетики. С одной стороны, имеет место художественное общение, когда искусство выступает средством ценностного взаимодействия людей. С другой стороны, коммуникация в искусстве служит способом послания идей творца с обратной связью, с «цепочкой» связей, тогда искусство является способом быть в мире.

В понятии «коммуникативная функция искусства» мы различаем три сферы передачи информации с обратной связью или асимметричного общения.

1. Объект-субъектные отношения, в которых искусство (объект) несет информацию, требуя от субъекта (реципиента) ответа, внутреннего диалога. Так, Л. Толстой в «Очерках былого» писал: «чего хочет от меня эта музыка?», или просветитель Фонтенель спрашивал: «Соната, чего ты хочешь от меня?». Искусство вызывает к нашим чувствам, разуму, оно возбуждает эмоции и мысли, действуя своим художественно-информационным полем. Благодаря искусству человек взаимодействует с самим собой, с разными мыслями и чувствами своего «Я», но прежде взаимодействует с самим искусством как способом быть в мире.

2. Субъект-субъектное общение возникает на фоне (посредством) искусства, что есть художественное общение. В своем онтологическом статусе произведение искусства имеет исключительно духовное существование. Оно существует не как мертвый текст, а в исполнениях, интерпретациях и прочтениях его смыслов, тем самым обнаруживая вокруг себя некое энергетическое поле, способ-

ствующее объединению или разъединению людей. Через художественную информацию, художественное общение, субъект-субъектных взаимодействий посредством искусства человек рефлексировывает, «вращивается» и «донашивается», преобразовывается и воспитывается. Искусство как способ ценностного взаимодействия человека с другими людьми и обществом выступает необходимой формой для самопознания и адаптации человека в окружающей среде и обществе.

3. Поскольку духовность трактуется нами как данность или некая заданность, т.е. свойство, присущее изначально на генетическом и духовном уровне, заданное кем? (– Создателем?), то в «коммуникативной функции искусства» присутствует и третья ипостась, отчего человек особенно при соприкосновении с гениальным, совершенным, прекрасно выраженным искусством ощущает свою причастность к чему-то глубинному или высокому, Универсуму, Первоначалу, для верующих – к Богу. Это соприкосновение через медиум с «трансцендентальным полем», это ценностное взаимодействие с Универсумом можно назвать «сверхкоммуникацией».

Коммуникативная ценность искусства выступает и в его значимости со стороны «социальных переживаний» ценностей, идеологии, таким образом соприкасаясь с мировоззренческой, эстетической, этической функциями.

Исходя из своего понимания эстетической сущности искусства, мы в качестве главенствующей функции назовем эстетическую, подчеркнув ее первородность. Здесь мы сошлемся на трактовку искусства структурализмом: искусство – это отрасль творческой деятельности человека, отличающаяся преобладанием *эстетической функции*. Преобладание эстетической функции в искусстве, пишет Ян Мукаржовский, освобождает от однозначной связи с действительностью (3). Эстетический знак – язык искусства *не является значением сообщения, т.е. информационно достоверным*. В этом смысле понятие «коммуникативной функции искусства» не может совпадать с понятием коммуникации в другом виде деятельности.

Ценность иллюзорного свойства искусства в целом подчеркивал К. Дебюсси: «Ис-

кусство, – писал композитор, – самая прекрасная из иллюзий. И хотя пытаются воплотить им жизнь в ее повседневном облике, следует пожелать искусству оставаться иллюзией из опасения, чтобы оно не стало вещью утилитарной, скучной, как завод...» [4]. Значит, искусство не есть отраженная действительность, а есть «отражение» человеческого духа сквозь фантазию, воображение. Справедливости ради следует заметить, что и в марксистско-ленинской эстетике отражение не есть простой, непосредственный акт, а акт сложный и зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни. Через иллюзорное искусство мы, взглядываясь или вслушиваясь, ощущаем многочисленные связи, которые возникают в нашем сознании. *И нам уже и не само это (данное) произведение важно, а важны наши мысли и переживания, вызванные произведением искусства, дискурсом о нем.* В этом высказывании мы находим зерно аксиологического подхода, обращенность к ценностным взаимосвязям «Я – Ты», «Мы – Они», «Я – Весь мир». Произведение искусства не столько отражение действительности, сколько жизнь значащего символа в человеческом сознании. Полуреальное, полуиллюзорное содержание Художественной формы взаимодействует с содержанием конкретного сознания, с его памятью, фантазией, представлениями и т. д.

Подчеркнем, что искусство уводит человека в мир фантазий и иллюзий, в мир виртуальной реальности, а не является в подлинном смысле отражением действительности. Человек удваивает себя и свой мир не в копиях, а в художественно вымышленных формах. Согласно эстетике интуитивизма, высший смысл искусства заключается в «очеловечивании человека» отнюдь не благодаря познанию мира, а вопреки этому миру путем созидания, через не реальное, иллюзорное. Мир искусства строит подлинно человеческий мир, помогая человеку созидать и адаптироваться в действительном мире. Искусство, увлекая сознание в иллюзорное игровое «пространство», мифотворческое с миром образов, представлений, переживаний, фантазий, ассоциаций укрепляет и усиливает человеческое сознание. Адаптивно-созидательная функция становится «антро-

пологически ориентированной» ценностью искусства.

Искусство, обнаруживая главную эстетическую сущность, вместе с тем обнаруживает полифункциональность отношений между человеком и миром. Именно эстетическая основополагающая и обеспечивает богатство возможностей восприятия, переживания, познания и самопознания. Так же и у В.В. Бычкова: «Исторически сложилось так, что произведения искусства выполняли в культуре отнюдь не только эстетические (художественные) функции, хотя *эстетическое* всегда составляло сущность искусства» (5). При этом, эстетическое есть «незаинтересованное» (неутилитарное) удовольствие, возбуждающее «умные» эмоции, чувства, и оно способно поднять человека на «всечеловеческий подиум». Эстетическая функция своей пассионарной заразительностью побуждает человека трансцендировать, а человек – больше, чем личность, он трансцендирующее существо, как отмечал психолог Б.С. Братусь. Общество с древности научилось использовать суггестивную силу искусства именно благодаря его эстетической сущности, использовать в утилитарных, практических, социальных целях, придавая искусству разные внеэстетические роли и функции в ценностном взаимодействии.

Благодаря «эстетическому ядру» искусство стало способом ценностного взаимодействия человека с самим собой, с обществом (в мини- и макро-структурах), со всем универсумом. Этим «эстетическим ядром» искусство в своей значимости для нас не столько выражает душевные состояния, сколько обращается к нашей душе, духу и телу, вызывает и вызывает наши душевные и духовные порывы, телесные движения, физические и психические реакции, отвечающие на призыв искусства. При соприкосновении с искусством мы испытываем «радость узнавания» Красоты, «узнавания» прекрасного или безобразного, возвышенного или низменного, ассоциативно согласно своим представлениям. Мы вкладываем *внеэстетическое знание, опыт*, наполняем эстетическое восприятие внеэстетическим содержанием, что с одной стороны противоречит сущности искусства, поскольку его нельзя переводить на язык обыденных слов и понятий, вербализиро-

вать. С другой стороны, как раз это нам сейчас необходимо, потому что мы воспринимаем искусство в историческом контексте духовной культуры, социума, оно выступает способом общения и коммуникации на разных уровнях. Значит можно произведения искусства при восприятии наполнять антропологическим, аксиологическим смыслом, «мифологизировать». В таком случае искусство выполняет жизненно важную коммуникативную функцию, а вместе с ней адаптивно-созидательную, помогая человеку в земном бытии, жить в со-обществе. Искусство для нас становится не просто выражением идеи, а идеи «для чего?», «зачем?», «потому что». Оно, по К. Марксу, есть способ практически духовного художественного освоения действительности, родственного мифологии.

В обиходе получило распространение мнение, что музыка возникла как *средство* общения между людьми, и ее называют «языком чувств». Вместе с тем, это проблема открытая. Асафьев отмечал в начале XX века, что главное назначение музыки не столько в коммуникативной роли, сколько в гносеологической, миропознавательной, нашедшей выражение в физических законах движения, Ритма мировой гармонии. При этом он подчеркивал и общественно-историческую значимость музыки, а значит и коммуникативную в социуме. Безусловно, музыка выполняет важную коммуникативную функцию. Возможно, с роли праязыка эта функция осуществляется с далекой древности, когда сознание еще не могло четко формулировать мысль вербально, понятийно, абстрактно передача мысли находила музыкальное выражение барабанным ритмом или наигрышем или напевом, что, как считает С. Лангер, еще не было собственно музыкой, а было складывающимися музыкальными моделями.

Общественно-исторический взгляд на искусство характерен для отечественной эстетики. Так, и сейчас считают, что искусство, в частности музыка, выполняет прежде всего общественные функции. Главное назначение искусства, музыки – в *человеческом общении* (собственно коммуникативная функция, как не редко понимают). При этом, как пишет В.Н. Холопова, музыкальное общение способствует единению людей, формирова-

нию человеческой общности [6]. Здесь вопрос смыкается с социальной, исторической, региональной и национальной роли музыки, искусства.

В отечественной эстетике было разработано такое понятие как «идеологическая функция музыки» (И. Набок, Г. Панкевич, Е. Лемберг). Само понятие «идеология» стало ареной борьбы, так как в состав идеологии включались ценности, нормы, идеалы. Используя термин «идеологическая функция музыки» сторонники прежней политической системы первостепенное значение в понимании сущности идеологической функции искусства придавали значению конкретно-историческому, социально-классовому подходу и противопоставлению социалистического мировоззрения буржуазному. Само искусство рассматривалось по своей природе как социально-идеологическое явление, как средство в идеологической борьбе и идеологическая функция рассматривалась выше других, как вездесущим образом присутствующая и в познавательной, и воспитательной, и развлекательной функции искусства (музыки, прежде всего). Специфическая идеологическая функция искусства – особая функция, имеющая интегрированный характер. В чем выражается эта функция? Двояко: она основана, по мнению авторов, с одной стороны, на способности искусства выражать идеологию, с другой стороны – это функция идеологического воздействия.

Мы определяем присутствие общечеловеческих ценностей – Красота, Добро, Истина – в художественном произведении, однако конкретную идеологическую значимость, как признают сторонники идеологической концепции, нельзя определить из самого произведения, в котором не обязательно вербализованы идеи, нужен анализ, учитывающий конкретно-историческую ситуацию, социально-культурный контекст. Практика показывает, что доминанта идеологического воздействия искусства все более перемещается в сферу эстетических взглядов (содержание, форма, традиции, новаторство, отношение к ценностям). Влияние осуществляется через тематику произведения и прямую идейную позицию автора, через систему эстетических оценок. Художник, живущий в социуме, естественно, в своем творчестве выражает миро-

воззренческие идеи. В его искусстве присутствует та или иная ценностная доминанта.

Согласно позиции идеологического толкования искусства «акцент на формирование мировоззренческих, то есть устойчивых, связанных с убеждением, установок личности должен сочетаться с идеологическим воздействием на всех уровнях индивидуального и общественного сознания. В этом отношении самого понятия «идеологическое воздействие искусства», надо трактовать достаточно широко. Не только как воздействие идей, но и как воздействие в духе определенной идеологии, в духе определенной системы политической, нравственной, эстетической и других ценностей, путем формирования общественного настроения, социальных эмоций. Идеологические возможности музыки отнюдь не ограничены» [7].

То, что искусство идеологически используется, ангажируется – это верно. Суггестивная, внушающая функция социальной направленности где-то искусственно используется, а где-то недооценивается государством, средствами массовой информации.

С точки зрения аксиологического подхода мы обращаем внимание не на диалог между людьми посредством искусства, а на «посыл» художественного произведения и трансцендирующего человека в момент воздействия, где искусство выступает не средством, а способом взаимодействия на основе ценностных доминант творчества и ценностных центров личности, шире: человек – общество – Универсум.

Сложность аксиологического взаимодействия искусства заключается в том, что здесь пассионарность (заразительность) возникает при сцеплении «ценностных доминант», откликов художественного сознания на основе ценностей в системе: Автор – произведение – исполнитель – зритель (реципи-

енты). Так, ценностная доминанта творчества художника (не обязательно личности художника, а именно аксиологическое ядро его творчества, которое может не совпадать с психологическими установками) находит выражение в художественном произведении, на которое откликается ценностный центр зрителя, слушателя.

Сказать, что главное назначение искусства в человеческом общении и правомерно и недостаточно. Это правда, но не вся. Приятно наслаждаясь искусством вместе с другими, в окружении людей, воспринимающий его все равно вступает с ним в диалог «одина-один», то есть *сокровенно*, ценностно индивидуально, неповторимо и необъяснимо вербально. Совершается тайное, сокровенное причастие к великому (или невеликому – все равно присутствие искусства выступает как экзистенциал). Дыхание зала, аудитории, площади, где происходит встреча с искусством, безусловно, при определенных условиях способствует восторженному состоянию, но полет души может возникнуть и в другой обстановке, наедине с произведением искусства.

Искусство самодостаточно. Это значит, что наше внимание при восприятии произведения искусства сосредоточено и предметно и на наших ощущениях, это восприятие в сложной цепи эстетико-художественного сознания. Оно, искусство – *способ* нашего существования, способ быть в мире. Оно, искусство (художественное произведение) также существует в нашем представлении как *средство* в наших целях, в том числе и антропо-социальных. Тогда мы его используем как инструментарий, интерпретируем, постигаем согласно *своим назначениям, мироощущению и мировоззрению*. Отсюда следуют модификации коммуникативной функции искусства, его личностная и общественная значимость.

Список использованной литературы:

1. Каган М.С. Эстетика как философская наука. – Санкт-Петербург, ТОО ТК «Петрополис», 1997, с.81.
2. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – изд. 2-ое, доп. – СПб, 1999, с. 26.
3. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. Пер. с чешск. – М.: Искусство, 1994.
4. Кремлев Ю. Клод Дебюсси. Изд-во Музыка, М., 1965, с. 422.
5. Бычков В.В. Эстетика. М.: Гардарики, 2002, с.244.
6. Холопова В.Н. Музыка как вид искусства. 2-е издание, – М.: 1994, с.5
7. Набок И.Л. Идеологическая функция музыки. – Л.: Музыка, 1987, с.76.